

А. И.
КУПРИН

Избранное

Александр Куприн

Авианетка

«Public Domain»

1928

Куприн А. И.

Авианетка / А. И. Куприн — «Public Domain», 1928

«Жил-был в Париже, в наше время, немолодой русский фотограф Петр Иванович. Жил так себе, не особенно плохо, потому что был холост, нетребователен и не имел никаких дорогих пристрастий...»

Александр Иванович Куприн

Авианетка

Жил-был в Париже, в наше время, немолодой русский фотограф Петр Иванович. Жил так себе, не особенно плохо, потому что был холост, нетребователен и не имел никаких дорогих пристрастий.

Но так как без увлечений могут жить только камни, то, конечно, и у Петра Ивановича имелась своя страстишка, правда, очень невинная – авиация. С самого раннего детства мечтал он хоть немножко полетать на свободном воздушном шаре или на аэроплане, но все как-то не приходилось. Пробовал он, еще живучи в России, поступить для отбывания воинской повинности в Гатчинскую авиационную школу, но приемная комиссия забрала его по причинам: узости грудной клетки и неодинаковости слуха в обоих ушах.

Однако эти неудачи не только не охладили его воздухоплавательного рвения, но даже скорее еще больше возбудили его. Он охотно покупал разные руководства и брошюры по авиатике. Пропуская многие научные выкладки и алгебраические формулы, недоступные для его среднего образования, он, однако, теоретически овладел в совершенстве как несложною системой управления авионом, так и кропотливым уходом за мотором.

Ах, друзья мои, давно уже известно, переизвестно, что судьба лишь в самых редчайших случаях готовится для человека ту профессию, к которой он всего наиболее склонен и способен. Посредственный генерал артистически играет на бейном басы, прирожденный талантливый цветовод становится плохим профессором римского права, писатель всю жизнь мечтает о тренировке породистых скаковых лошадей, и так без конца, а причина этой непоследовательности в мироздании нам – увы – неизвестна.

В Париже, в углу беженском положении, Петру Ивановичу улыбнулась наконец неожиданная удача. Зашел как-то в его ателье молодой французский летчик со своей хорошенькой невестой. Узнавши о профессии клиента, Петр Иванович с радостью напряг все свои фотографические силы, средства и возможности, чтобы снимки вышли на славу. Кроме обыкновенных альбомных карточек, он, уже от себя, сделал три кабинетных портрета. Он не только назначил потрясающе дешевую цену за свою работу, но даже любезно предложил обрученным, в виде поздравления, выпить с ними по рюмочке портвейна, с бисквитом на закуску. Прекрасная пара была совершенно очарована им.

Спустя неделю пришел другой летчик, через три дня еще двое. Потом и еще и еще, пока Петр Иванович, почти незаметно для самого себя, не сделался домашним фотографом для всех летчиков коммерческой авиации на аэродроме Бурже. Всех их он снимал с большой любовной тщательностью. Все пилоты были им увековечены, все: и М. Файоль, и М. Фай, и М. Феврейль, и многие другие. Петра Ивановича немного удивило, что большинство из фамилий начинается с буквы Ф. и что все они летают на аппаратах Фармана. Имел он честь снимать и знаменитого военного летчика Фонка.

Вход на коммерческий аэродром довольно свободный, не то что на замкнутый военный. Петр Иванович нередко приезжал из Парижа в Бурже полюбоваться, как отлетают в Англию, в Румынию, в Прагу огромные двухвинтовые авионы «голиафы». И жутко и весело ему бывало смотреть, как серое чудовище медленно разворачивалось перед подъемом, ревя, трепеща, содрогаясь, извергая из себя запах бензина и касторового масла, как от его могучего дыхания в стремительном урагане летели над землей песок, камни, пыль, какие-то обрывки, осколки, деревяшки, тряпки и всякий мусор, и как величествен бывал момент, когда «голиаф» отдирался от земли. На аэродроме заметили это жадное любопытство фотографа, и как-то, в пригожее летнее утро, очередной пилот сказал ему: «Перед отправкой мы всегда делаем небольшой пробный полет, чтобы окончательно убедиться и убедить ожидающих пассажиров в ровной и

четкой работе машины. Так не хотите ли немного прокатиться со мной?» Петр Иванович с восторгом согласился. Его усадили в кабину, заперли, и в течение четверти часа он парил над Парижем.

Такие поездки повторялись потом еще раза три, четыре. По правде сказать, хотя Петр Иванович и держал себя молодцом, но в глубине души эти воздушные пробы ему совсем не понравились, в чем он, однако, никогда бы не сознался из самолюбия. Трудно было дышать и тяжело пахло. Авион то и дело клевал носом вниз, и тогда все тело падало вниз, а сердце почему-то запаздывало, как бы отделяясь на мгновение, и это было очень противно. В окно тяжело было смотреть, и все казалось непонятным, скучно перепутанным: небо и земля, деревья и дома... Но тем не менее Петр Иванович внутренне уже считал себя опытным воздухоплавателем. Недоставало ему только возможности и случая самому сесть к рулю и по своей воле управлять аэропланом. Но мыслимо ли это?

Стояла сухая и теплая зима. Наступали рождественские праздники. У Петра Ивановича давно уже завелся симпатичный обычай: всегда перед Новым годом покупал он и подносил самому себе какой-нибудь приятный и полезный подарок. Так и в этом году поехал он на Блошинный рынок, часа три потолкался на нем и присмотрел наконец довольно оригинальный старинный коврик, как раз для винтового табурета. Коврик был выткан в зеленый и черный цвета, а узор его походил на чередование римской и арабской цифры два. «Ничего. Живет», – подумал фотограф и приказал завернуть покупку.

Короткий зимний день скоро прошел. Поработав, как всегда, в лаборатории, Петр Иванович старательно вымыл желтые от реактивов руки, сварил на газе пару яиц, а из кипятка, рома, лимона и сахара приготовил себе любимый грог. Он сидел в освещенном ателье у стола на вертящемся табурете, покрытом обновой, старинным ковриком. Скромно поужинав, Петр Иванович, не спеша, потягивал благовонный напиток, тихонько покручивался влево и вправо на круглом табурете, глядел в черные ночные окна и отдавался случайным мыслям... Как и всегда, произвольное сцепление мыслей привело его к столь любимой авиации.

«Вот на таком же круглом табурете сидит пилот в своем носовом отделении. Ноги его упираются в педаль, а в руке у него руль глубины... Ах, полетал бы и я! Вот так взял бы в руку руль... (Петр Иванович взял пальцами бахрому свисавшего между его ногами коврика), потянул бы осторожно на себя – вот так...»

Фотограф потянул за бахрому и... вдруг коврик слабо колыхнулся, тихо поднялся в воздух и полетел, нежно неся на себе Петра Ивановича. Стеклянная крыша ателье мягко уступчиво растаяла, и ковровый самолет вылетел в пространство. Вверху – черное небо со звездами, под ногами бесчисленные огни огромного города, мощный ветер яростно дует в лицо. «Лечу! Лечу!» – в восторге воскликнул Петр Иванович. На другой день в два часа пришла, по обычаю, фам-деменажка¹. Взяв у консьержки ключ, она отворила ателье и, к удивлению, заметила, что окна отворены настежь, электричество горит вовсю, а самого фотографа нет дома. Он не возвратился даже через неделю, даже через месяц. Заявления о розыске полиции не привели ни к чему. Фотограф исчез навеки.

Куда он улетел на своем волшебном коврике, на волшебной авианетке?

---

¹ Уборщица (от фр. femme de menage).